

**Борис Чиндыков: опыт реконструкции
чувашского мира**

Если ты пришел на землю сыном чувашским, то даже скинув свои лапти, все равно никогда не сможешь оторваться от земли. Растущему на земной поверхности всегда хочется хотя бы немного от нее отделиться, но нас, кровью и плотью к ней приросших, только путь страданий может увести наверх, звездные пути — не для нас. Земля любит трудящихся на ней, мыслитель ей не нужен, мыслитель и не пашет, и не сеет, не зная ни дня, ни ночи, думает мысль свою <...>. Земля — надежнее, но почему мы всегда молим небо, чтобы оно дало нам надежду прожить сегодняшний день? <...>. Я тоже тянусь к тебе, о великое Небо, молю тебя: пошли хотя бы немного счастья разбросанным по миру несчастным мыслящим чувашам!

*Б. Чиндыков. Пасхальное яйцо**

Территория Б. Чиндыкова в современной чувашской культуре определилась как феномен, достойный пристального внимания исследователей, да и тех, кто в той или иной степени интересуется данной культурой. Его творческий потенциал реализовался во многих областях: поэзии, прозе, драматургии, в области перевода, литературной критике, публицистике. Он является учредителем и редактором российской чувашской газеты «Аван-и» (1990—1993), главным редактором международного журнала чувашской культуры «Лик Чувашии» (1994—1997). Автора статьи интересуют, прежде всего, проза и драматургия Б. Чиндыкова, которых, по-видимому, следует воспринимать как основные события в его творчестве.

В творчестве Б. Чиндыкова, «изучившего технику слова самых различных школ и направлений, но при этом не растерявшем себя», разные критики и в разное время усматривали основания, позволяющие отнести его к

* Кроме оговоренных случаев, цитаты даны в нашем подстрочном переводе –В.Н.

сюрреалистам, экзистенциалистам, импрессионистам, дадаистам, неонатуралистам, авангардистам, модернистам¹. Сегодня его относят к постмодернистам и этнофутуристам². Думается, именно эти характеристики в наибольшей степени способны выразить основные черты художественного мира писателя. Это, так сказать, к общей характеристике творчества.

Чиндыков — представитель той «среды чувашской национально-творческой интеллигенции, которая в середине 80-х до середины 90-х гг. попыталась реализовать функции интеллектуальной элиты», «разрушала миф чувашской советизированной культуры и, выбрав «карьеру свободы», хлебнув демократии, восприняв в какой-то степени дух и смысл новых европейских ценностей, переосмыслив чувашский этнический генотип и другие культурные стереотипы, очертила, по крайней мере, *чувашскую конткультуру* на приоритете личностных начал»³. Вполне очевидно, что основополагающим концептом в его творчестве выступает национальное (чувашское — *чӑвашлӑх*). Оно реализуется во всех сферах творческой деятельности Чиндыкова, и конечно, определяет особенности данного творчества на всех уровнях. Иными словами, в его произведениях произошла экстериоризация многих существенных составляющих «чувашского мира». В центре внимания статьи — приближение к пониманию некоторых смыслов некоторых реализаций.

Существует, однако, оппозиционная точка зрения. Она утверждает, что Чиндыков — «разрушитель» чувашского мира. Его эксперименты в области формы расцениваются как ориентация на Европу, отказ от национальных традиций. Что можно возразить в ответ на эти положения? В качестве весомого аргумента может выступить цитата из статьи Ю. Яковлева: «Нельзя судить писателя только по навыкам письма, поскольку даже «человековедам», т.е. советским писателям, вменялось в обязанность учиться технике письма у тупоумных буржуа» (А. Жданов)⁴. И если мы говорим о писателе как о явлении в родной словесности, то и речь нужно вести о том, что он смог найти и собственную форму, позволяющую вступать в диалог с достижениями других

культур. Пора ученичества бывает у каждой личности. Хаотичность, большая значимость ассоциативных связей, эклектизм стиля, некоторая техничность и механистичность, фрагментарность (особенно в начале творческой деятельности) отчасти объяснима влиянием так называемой постмодернистской чувствительности («парадигмальной установкой на восприятие мира в качестве хаоса»⁵). В культуре постмодерна оформляется и особый тип отношения к тексту: «процессу распада мира вещей», порождающему «космический хаос», соответствует нестабильность текстовой семантики (хаос значений, хаос означающих кодов, хаос цитат и т.п.) как выражение и отголосок «космического хаоса»⁶. Постмодернисты вообще утверждают, что современный «мир потерял свой стержень... Мир превратился в хаос»⁷. Но это не означает, что в данной культуре отсутствует система. «Постмодернизм — состояние стабилизированного хаоса»⁸, он «создает формы порядка как беспорядка»⁹. Т.е. он характеризуется парадигмальным единством. Чиндыков начал писать в нач. 80-х уже прошлого века. Это было время, когда в «чувашском мире» процессы разрушения достигли высочайшей точки. Чиндыков уловил эту «духовную ситуацию времени». Но, тем не менее, по поводу «потери стержня» в национальном варианте позволим себе усомниться: некая основа, видимо, сохраняется (и прежде всего — на селе), иначе нивелировались бы и различия между нациями. Но многое, конечно, и в особенности городскими жителями, утеряно. (Бабушка, соседка Нины, с сожалением говорит: «<...> Тьфу, тьфу, антихристов город, загубит ведь человека, загубит чуваша, изведет, ах господи!..» («Алăксем умёнче» (У дверей, 1986)^{*}. Утеряно целостное восприятие мира. Творчество Чиндыкова — еще и тоска по этому целостному восприятию.

Есть и другое основание, позволяющее заявить, что само слово Чиндыкова в основе своей — чувашское. Имеется в виду, в первую очередь, не

* Çатан карта çинчи хура хăмла сырли (Ежевика вдоль плетня). Пьесăсем. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1995. 93. с.

лингвистические параметры Слова, а его внутренний стержень, потенциал, направленность к другому. В такой ситуации и об Авторе, и о его Слове можно сказать: «Унӑн чунӑ чӑваш» (Душа у него чувашская). Это откровенное искреннее слово, обращенное напрямую и, в первую очередь, к душе другого). В некоторых точках оно сравнимо со Словом талантливейшего прозаика Юрия Скворцова. Исконно чувашаи обращались друг к другу на «ты», вне зависимости от существующих дистанций. Видимо, помимо языковых традиций, объективных условий, существовала некая первопричина,** влияние которой в большей степени способствовало организации такой формы общения. Она, вероятно, подчеркивала близость душ человеческих без различий в земных одеждах и равенство всех перед ликом Вечности. Чиндыков смог передать этот важный момент для чувашского менталитета своим словом. На наш взгляд, это является весьма важным доказательством национальной основы его творчества.

Относительно самого термина «реконструкция». Он интерпретируется здесь как восстановление в художественном тексте накапливаемого с древних времен по сегодняшний день опыта нации как объект анализа, исследования; приближение к пониманию нашего прошлого и той основы, которое определяет наше настоящее и будущее, наше национальное.

Чиндыковский опыт реконструкции национального характеризуется следующими основными чертами: стремление, попытка понять, определить особенности «чувашского мира», дойти до глубинных основ чувашского духа (в том числе оживление и таких понятий, как *шульӑш*, *чӑм*), рационально осмыслить иррациональное (чувашская идея, дух...), в настоящем почувствовать всеобщие архетипы, несущие чувашский код (шифр); ностальгия по цельному «чувашскому миру» (или, по выражению Ю. Яковлева, тоска по естеству чувашского); боль за судьбу своего народа и за каждую личность, представляющую этот народ; попытка определить пути дальнейшего развития нации, чувашского общества в общечеловеческом контексте. Можно сказать, что это в большей степени сознательная реконструкция, в которой велика роль и

* *Думается, ее обсуждение может быть поводом для отдельного разговора.

знания, а не только «памяти предков». Тут невольно может возникнуть другой вопрос: насколько достоверной и объективной может быть такая реконструкция вообще? Ведь, согласно Аренд, «предвосхитившей в своем творчестве многие — ныне базисные — идеи постмодернизма (см. **Аренд**): «нить традиции оборвана, и ... мы не будем в состоянии восстановить ее, что утрачено, так это непрерывность прошлого. То, с чем мы оставлены, — все же прошлое, но прошлое уже фрагментированное»¹⁰. Возможно, относительно нашего прошлого, у нас всегда будет некоторая идеализация или недооценка, даже, несмотря на наличие исторических фактов. Любая оценка, любое восприятие включает в себя субъективный момент. К тому же, *другое* время предполагает другие критерии оценки. Но можно надеяться, что дух народа (или нечто, составляющее, стержень национального), как уже было сказано выше, в какие бы формы он не воплощался в историческом развитии, сохраняет общие черты своей Самости. Иначе этот народ просто исчез бы с лица земли.

Общий анализ творчества писателя охватывает параметры, характеризующие несколько важных моментов такой реконструкции.

I. Земля как основная стихия для чуваша

Радик: «Хочу сделать шаг назад — нога не поднимается, не могу отойдуть от земли, что-то тяжелое-тяжелое тянет меня вниз, в землю... Эй, отпусти, кйичу я в стйахе. Э-э, детка, *от отца своего хочешь убежать**, говойит мне голос из-под земли. *Голос земли*. Ты — земля, говойю, я — не твой сын. Чей же тогда ты сын, если не земли. Я — сын учителя, говойю я ему. Э-э, детка, говорит он, учитель тоже — от земли, *все мы — от земли...*»**. В символическом сне мальчика реализуется исконно чувашское представление о происхождении человека и перевоплощения его телесной сути после смерти: «Тăпранан пулнă — тăпрах пулатпăр» — «Все мы от земли — и станем землею». Следовательно, земля и является основной стихией для чуваша? Насколько доказательна такая формула? Обратимся к языку, в котором, как

* Курсив здесь и далее в тексте наш — В.Н.

*Ежевика вдоль плетня, 1982 // Лик Чувашии. 1994. №6. С.10. Пер. Б.Чиндыкова.

известно, «отражается мышление народа». Понятие «Родина» — самое дорогое для человека место — состоит у чувашей из двух слов: «çёр» и «шыв» («земля» и «вода»). Они также соотносятся с понятиями женского и мужского начал: çёр — анне (мать): шыв (Атӑл—Волга — главная река) — атте (отец). Попутно напрашивается и такая мысль: соединение двух стихий в одном понятии может быть одной из причин (или следствием?) *двойственности мировосприятия* (см. ниже) чувашского человека. Именно древний натурфилософский язык четырех стихий Г. Гачев предлагает использовать в качестве метаязыка при описании национального ¹¹. Как видим, земля в этом сложном слове стоит на первом месте. Вероятно, и это обстоятельство подчеркивает степень важности.

В отрывке, приведенном в качестве эпиграфа, также осмысливается «привязанность к земле» чуваша. Значит ли это, что чувашский народ приземлен? Или такая ситуация свидетельствует больше о «природосообразности» народа-земледельца? Видимо, справедливее второе предположение. Да, «земля — мать», но с другой стороны — «çёр çинче нимён те ёмёрлӗх мар» («на земле ничто не вечно»). Сравним, у русских — «ничто не вечно под луной». Ребенку хочется быстрее повзрослеть и стать независимым от матери, самого родного существа. Но он никогда не сможет полностью освободиться из-под ее влияния, даже став взрослым. А неизведанное манит к себе неудержимо... И почему чуваш так медлителен, беспомощен, недоверчив на этой земле — «тытса курмасӑр ёненмест» — «не поверит, пока не потрогает» (но не по отношению к людям, событиям)? Не потому ли, что он более подвержен влиянию Вечности, чем Земли (= Сиюминутность Бытия)? В целом же, он пытается примерить *земное* и *вечное*, что опять-таки, может быть другой причиной *двойственной* природы чуваша. Положение современного чуваша выглядит более трагичнее. Он уже, большей частью, не живет по законам «природосообразности», а значит, не может быть уверенным в покровительстве земли, а на покровительство неба может только робко надеяться.

II. О двойственной природе и природе двойственности

Старая соседка Гены («У дверей») говорит о нем, что тот никогда не

может дать решительный ответ^{*}. Иван, другой герой этой пьесы, с грустью отмечает: «<...> У нас, у чувашей, внутри есть какие-то удила, они больно тянут изнутри, говоря, остановись, остановись! <...>»^{**}. В чувашском человеке как бы одновременно сосуществуют противоположные черты. В основном ему удается безболезненно для окружающих эти черты примирять. Но такое примирение часто происходит в ущерб собственной личности. Ему бывает трудно принять окончательное решение.

Для обозначения данного свойства в качестве рабочего или условного предлагается термин *двойственность мировосприятия*. Понятие близко и сравнимо со «скрещиванием черт в едином регистре» Д. Лихачева. «В национальном характере русских скрещиваются не только разные черты, но черты в едином регистре»: религиозность с крайним безбожием, бескорыстие со скопидомством, гостеприимство с человеконенавистничеством, национальное самооплевывание с шовинизмом, неумение воевать с внезапно проявляющимися великолепными чертами боевой стойкости¹². «Двойственность» также имеет точки соприкосновения с понятием «амбивалентность» в плане «одновременного наличия противоположных свойств». Но в первом случае речь идет, прежде всего, о **возможном переходе** какой-либо черты в свою противоположность. Отчасти понятие, по-видимому, пересекается и с понятием «диалектичность» — главной категорией диалектики является *противоречие*. В чувашском варианте во множестве случаев та или иная черта может резко перейти в свою противоположность. Простой пример: *скромность* в сочетании с *долготерпением* в какой-то момент может быстро перейти в *малодушие* («отсутствие твердости духа, решительности, мужества») и *мягкотелость* («слабохарактерность, вялость»). Такая особенность может быть обусловлена и влиянием разных культур на разных этапах истории. А в XIX в., особенно во второй половине, собственно чувашское (вера, искусство, фольклор) подвергалось также влиянию традиций христианского просвещения.

* Ежевика вдоль плетня. Чебоксары, 1995. С.80.

* *Там же. С.89.

Но возможно, что двойственность была характерной чертой собственно чувашской народной традиции. В фольклоре, к примеру, отразилось представление о том, что земная жизнь человека проходит между Добром и Злом, Тора и Шайтаном. Нужно также оговориться, что понятие это не следует отождествлять с «раздвоенностью». Иными словами, речь здесь не идет о нарушении целостности личности.

Двойственность мировосприятия может служить ключом к пониманию многих национальных особенностей, поведения, в том числе и в рассказе «Hotel Chuvashia». Он, а в особенности его кульминационный момент — исполнение самоунижительной песни мужчиной чувашской национальности, интертекстуально соотносится с эйзиновским текстом («Пиртен те умах никам та çук» — «Больше, чем мы дураки, никого нет»^{*}). Размышления над такого рода текстами напоминают слаломную дистанцию. Скорость, возможно, здесь не столь и существенна. Основная задача — нужно находиться в равновесии и не задеть случайно «красные флажки», т.е. нарушить границы. Иными словами, нужно постараться быть максимально объективным — хотя национальное самосознание из разряда иррациональных, оно очень уязвимо. Собственно, поэтому лозунги, типа «Эпир мёскён мар!» — «Мы не жалки!», написанные, думается, с искренним убеждением, находят совершенно противоположные толкования. Конечно, еще нужно учитывать и банальную причину — помимо общенациональных особенностей (ядра, или основы), существуют особенности индивидуальные, поэтому мы воспринимаем мир неодинаково.

«В последнее время часто говорят, что наш маленький народ прозябал веками, но мне кажется, что наш народ еще десятки веков назад был талантливый, могучим, добрым. В какой-то момент истории мы были сломлены и в последние два-три столетия стали еще более униженными и слабыми, стали жить, боясь светлого дня, чувствуя себя виноватыми перед другими народами за то, что на великой земле заняли ее маленький кусочек, рассеялись до самой Сибири. <...> На этом месте и через сотню лет, и через тысячу будет живая

* Подстрочный перевод А. Хузангая.

чувашская душа!» («Hotel Chuvashia», 1983—1984)** . «Мы, чуваша, дураки...» только формально противостоит этому высказыванию. По внутренним логическим связям этот крик души является его следствием. Иными словами, можно предположить, что именно в результате исторического «слома» и влияния русской христианской культуры появились условия такой самооценки, и вообще сама возможность вызывающего публичного самопредставления. Поэтому внешний круг понимания отчасти может быть расшифрован через систему образов и представлений русской литературы, шире — культуры. Она включает в себя трагический статус маленького человека, и позицию непротivления злу насилieм***, и положение небезызвестной Ниловны... Собственно чувашское самовосприятие и мировосприятие находятся глубже, но основой их, все-таки, является интровертированная направленность, которая больше ориентирована на заниженную самооценку.

Больше отрицательным, чем положительным продолжением стремления чуваша к компромиссу, попыток найти золотую середину, является статус *среднего человека* для чувашского самосознания. В поэзии его чутко определил П.Эйзин в стихотворении «Вăтаммисен юррисем» (Песни средних, 1969). Последствия скромности, излишней требовательности к себе сдерживают проявление лучших качеств, не разрешая выходить за определенные пределы. Правда, существуют факты и самовозвеличивания своей нации. К примеру, попытки доказать наше шумерское происхождение, или предположения относительно чувашской национальности самого Иисуса Христа. В устной народной словесности, естественно, заложен более глубокий смысл, претендующий на большую объективность. «Чăваш пётсен — тёнче пётет» (Если чуваш погибнет, мир погибнет), — говорят чуваша. Расшифровка только этого высказывания может быть поводом не только для одной статьи. Но в любом случае, каждый народ, как и каждый человек, появившийся на свет, уже

* *Hotel Chuvashia. Калавсем. – Шупашкар: Ч=ваш к\неке изд-ви, 1989. 12 с.

* ** Существует точка зрения, что «у чувашей это не из-за христианства (И. Тарасов)». (Цитата по статье: Яковлев Ю.В. Обособленный человек как тип личности, недостающий чувашской культуре Проблемы национального в развитии чувашского народа. Сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С 212). Возможно, но это несколько другой вопрос. Но именно христианство укрепило такую позицию и вообще придало ей статус.

избран.

В самоуничижительную декларацию героя из рассказа «Hotel Chuvashia» вкладывается многое: боль за свой народ, сожаление о нереализованных возможностях, желание освободиться от отрицательного опыта, очищение через самоуничижение — желание достичь катарсиса, надежда на способность национального возрождения (хотя, может быть, и не очень сильная). Разумеется, в определенном контексте и особенно в восприятии личности, у которой «начало пробуждаться чувство родного (чувашского, что очень важно — *В.Н.*) народа, безумное, мощное, словно сама природа»*, оно может восприниматься только таким образом: «Он пел о своем убожестве, слабости, глупости»**. И далее: «Я устыдилась в этот момент не только за песню, за весь народ, за то, что во мне есть чувашская кровь...». В человеческом обществе существуют определенные традиции... Вечные Книги же по этому поводу гласят: «... ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Луки 18:14); «Тот, кто сохраняет спокойствие даже среди страданий всех трех видов и не ликует в счастье, и кто свободен от привязанностей страха и гнева, именуется мудрецом, ум которого¹³ уравновешен». То есть самоограничение с точки зрения Вечности — это попытка приобщиться к ней, и именно способные на такое пошли дальше других по этой дороге?

III. Штрихи к архетипическим образам

«<...> Мать еще говорит, что во всем мире нет чище чувашской девушки» («Hotel Chuvashia»***). Относительно женских образов в чувашском сознании сложился определенный стереотип. Вплоть до современности он подвергался лишь частичным изменениям, приобретая социальные черты того или иного периода. Ряд Нарспи — Пинерби — Селиме — Саламби — Угахви — Сайите... характеризуются сочетанием внешней и внутренней красоты, чистоты, скромности, сдержанности и чувства собственного достоинства, трудолюбия и

* Hotel Chuvashia. С. 9

* * Там же. С.15.

* ** Там же. С.18.

золотых рук, терпеливости, терпимости. Объективно, что лучшим представительницам прекрасного пола эти черты свойственны архетипически. И можно сказать, что именно они являются наиболее характерными чертами вообще чувашской женщины. Чиндыкова интересуется, прежде всего, тип женщины, красота которой «сразу не бросается в глаза, раскрывается позже, по мере сближения» («Туй каҫхине» (Свадебным вечером, 1983)^{*}. По сути, это наиболее распространенный тип среди представительниц прекрасного пола любой национальности. Но чувашки, чаще всего недооценивающие свой образ, воспринимают себя достаточно своеобразно. Для примера приведу ход мыслей героини из рассказа «Hotel Chuvashia». Национальное мироощущение проявляется и у чувашки, не знающей родного языка и живущей в Москве. «Я очень хорошо знаю, что я некрасива; в детстве думала, откуда же мне быть красивой, если мать у меня чувашка. Фигура у меня стройная, я это хорошо понимаю, но с детства мне причиняли страдания широкие скулы, это расстраивало постоянно, это, разумеется, один из внешних признаков того самого, ничтожного чувашского народа, говорила я себе чуть не плача. Поэтому, если от кого-нибудь я слышала: ты очень привлекательна, у тебя добрый нрав, приветливая улыбка, я всегда чувствовала себя неловко, мне казалось тогда, что надо мной издеваются. И к тому же, кому нужны в наше время добрый нрав и приветливая улыбка?»^{**}.

Стоит упомянуть архетип Великой Матери из пьесы «Ежевика вдоль плетня». Базисным паттерном этого образа является Мать—Начало всех начал. Образ Матери в пьесе как бы растворен в Вечности, вернее, это та точка, откуда начинается Вечность, и физическая смерть конкретной матери не носит остротрагический характер, потому что это светлый переход в Вечность, чтобы через некоторое время освобожденная светлая душа опять дала новую светлую жизнь.

Радик и Марине — вариации архетипа младенца, но это «взрослые

* Чӱк уй=х (Месяц ноябрь). – Шупашкар: Чуваш кӱнеке изд-ви. 1987. 20 с.

* *Hotel Chuvashia. С. 13.

младенцы», начало пробуждения индивидуального сознания.

Если женский портрет выглядит достаточно цельным, то с мужским архетипом дела обстоят сложнее. Чиндыков его исследует глубже, т.е. портрет получился более детальным. Отчасти, разумеется, это связано с тем, что данный тип более близок и понятен самому автору. Во-вторых, роли и функции мужчин в историческом развитии подверглись большим изменениям. Отдельные черты, детали, стороны этого портрета вырисовываются писателем очень тщательно. Их даже условно можно сгруппировать. В свою очередь, в каждой группе происходит дальнейшая конкретизация черт. Но, пожалуй, цельный мужской портрет не проясняется (да и автор, наверное, не ставил себе такой цели). Впрочем, по сравнению с женским, мужской архетип имеет менее определенные черты и в национальном сознании.

Условно чиндыковские герои распределяемы на три группы: 1) Отец Толика («Отец», 1982), Йоссах («Ежевика вдоль плетня»), отчасти Геннадий Андреич («Геннадий Андреич — дурак библиотекарь», 1983)^{***}, отец («Пасхальное яйцо», 1988—1989), отец Ванюшки («Занавешенные зеркала», 1989); 2) Уразметь («Уразметь», 1989); 3) интеллигенты, или «мыслящие» чуваша: Хуначи («Hotel Chuvashia»); Николас, Артур («Ужин после полуночи», 1985, 1987); Эрик Албутов («Пасхальное яйцо»)...

1) «Иду же, иду, — Валюкка тотчас открыл глаза, и, *как заяц* (курсив наш. — В.Н.), поспешил в овраг, чтобы через него выйти напрямик к ферме» («Валюкка и Кедерин», 1983)^{*}. Походка человека, как известно, передает многое из его внутренней сущности. В данном сравнении зашифрована важная информация. Слабость характера, мягкотелость, неспособность твердо настоять на своем, противостоять несправедливо сложившимся обстоятельствам, боязливость, чувство постоянной вины (хотя и разное по характеру) — отрицательные стороны двойственности мировосприятия, к сожалению, укрепились как постоянные черты у многих современников.

* ** В оригинале герой «имел» профессию учителя. Но по определенным причинам, чувашское книжное издательство, выпустившее первую книгу Чиндыкова, посчитало нужным поменять род занятий героя. З. Романова в переводе на русский сохранила первоначальное название (Лик Чувашии. 1995. №3. С. 95–98).

* Месяц ноябрь. С.12.

Сравнение с зайцем и с жизнью зайца в чувашской литературе правомерно было бы воспринимать в рамках интертекстуальности (сравни: «Песня зайца», «Жизнь бедняка — что жизнь зайца в поле» (1880) Гр. Филиппова, в современной литературе — «О, мой бедный полевой заяц» (букв. пер. назв.) Г. Федорова). Должно быть, не случайно, что условия жизни чувашского человека (М. Сеспель: «Издrevле жил чуваш в угнетении...») наталкивали его на ассоциацию своей жизни именно с жизнью зайца в поле. Видимо, ко времени появления «песни зайца» уже сложились адекватные черты характера у определенной категории людей, позволившие некоему чуткому уму провести параллель. С другой стороны, «чувство вины за совершающиеся вокруг него — это чувство свободного человека» (Бердяев)¹⁴. Насколько это оправдано? Свободный человек несет ответственность не только за себя, но и за все то, что происходит вокруг него. Большинство героев Чиндыкова, находящихся в «пограничной ситуации» (чаще всего — перед лицом смерти), чувствует это очень обостренно. «Издrevле ведь жили на этом месте представители его рода, неужели Геннадий Андреич разорвет древнюю родовую связь? Это же грех, который никогда не простится» («Геннадий Андреич — дурак-библиотекарь»)** . Отец («Пасхальное яйцо») «чувствовал себя виноватым за все несправедливости, которые происходили в нашей округе. Был виноватым перед зайцами за то, что их поедают волки, перед волками за то, что их убивают охотники. Ему, бедному, наверное, каждую вещь, каждую душу хотелось видеть красивой и доброй»***; «<...> Но что же поддерживало, придавало сил отцу за несколько лет до смерти. То, что в сельском магазине в любой ситуации ему давали в долг»****. Матви, отец Ванюшки, воюющего в Афганистане, думает, что своей смертью он отведет смерть от сына («Занавешенные зеркала»). Ответственность человека перед всем миром заложена в религии чувашей: «Эпир пётём çут тёнчешён кёл таватпър» — «Мы молимся за весь белый свет».

* * Там же. С. 16.

* ** Çурçёр хыççанхи апатлану (Ужин после полуночи), – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1992. С. 62.

* *** Там же. С.61.

«Излишнее чувство ответственности (т.е. выходящее за общественные нормы)» также может являться следствием извечной чувашской гостеприимности.

Можем ли мы говорить о том, что чуваш, чувствуя ответственность за весь мир и не способный отвечать за свое личное поведение (пьянство), свободен? Вопрос остается открытым, как и вопрос о самоубийстве (в смысле: сила это или слабость?). Частично порок реабилитируется национальными особенностями. Интровертированная направленность сдерживает проявление лучших сторон внутренней сущности, что, безусловно, рождает недовольство собой. Много энергии у слишком ответственных чувашей часто уходит на поддержание этого чувства ответственности как некоего зримого явления, на поддержание очертаний цели перед другими. Это не столько старание поддерживать формальную сторону, оболочку, а старание не обмануть надежды окружающих. Чувашу важно, что скажут окружающие («сын мён калё»). На реализацию же смысла, сути этой ответственности у него остается мало внутренних сил.

2) Трагедия «Уразметь» — осмысление истории народа. В комментариях к пьесе автор пишет: «События, описываемые в трагедии, могли произойти в глубокой древности, происходят сегодня, могут произойти в будущем на Чувашской земле, или где-нибудь в другом месте, любом уголке мира»*. Легенда об Уразмете, предавшем свой народ, когда он получил власть из рук угнетателей, приобретает общечеловеческий характер. Недаром и героиня повести «Ежевика вдоль плетня» — Мать — говорит, что «мало быть представителем чувашского народа. Нужно быть человеком»**.

Какие типичные черты чувашского мужчины отразились в главном герое? Историческое время пьесы — период насаждения мусульманства среди чувашей. Но, заставив поклоняться Аллаху, мусульмане не смогли искоренить исконную чувашскую веру. Уже было высказано предположение, что изначально природе чуваша была свойственна двойственность. В результате

* Уразметь // Ежевика вдоль плетня. — Чебоксары, 1995. С. 106.

* * Там же. С. 340.

внешних влияний она только закрепляется. Отчасти она может объяснить и превращение Уразметя в тирана, когда он становится у власти. Конечно, власть — всегда проверка на человечность, независимо от национальной принадлежности. Но и этот экзамен представители разных наций, должно быть, выдерживают по-разному. До того, как сам становится у власти, Уразметь искренне возмущается: «До каких пор нужно терпеть такие тяготы?»^{***}. Он призывает Иртиса, предводителя другого рода, бороться против угнетателей. Излишняя честность, ответственность, в особенности перед лицом Авторитетов разного порядка и перед другими вообще (не только из-за боязни быть наказанным чуваша стараются расплатиться вовремя даже с непосильной данью); чувство долга и обязанности перед теми, кто хоть чем-то помог, приобретают отрицательный знак, когда Уразметь становится главой всего народа. Продолжения этих достоинств превращают его в добросовестного тирана. Т.е. только простой потребностью власти характер героя не исчерпывается. Став главой, как и Энеткей, которого он раньше не понимал, Уразметь искренне пытается защитить интересы своего народа перед Ханом. По крайней мере, искренне убежден, что защищает эти интересы. Посланнику Хана он твердо говорит: «С многоуважаемым Ханом / Мы слова не держали / Чтобы народ мой уничтожить / Наоборот, я с Великим Ханом обсуждал / То, как жизнь облегчить у чувашей»^{****}. Хотя этим, конечно, его зверские поступки не оправдываются: убийство сородичей, матери, уничтожение святынь. Отсутствие единства между представителями этого народа в определенных ситуациях, появление оснований среди самих чувашей о себе высказывать такую мысль: «У чувашей есть еще обычай: / Если кто умнее остальных, / То другой его вмиг уничтожит»^{*****}, также может быть следствием двойственности. Чувашу часто не хватает уверенности в себе, в свою способность высказать единственно правильную мысль. А если кто-то другой будет в состоянии это сделать — возникает подсознательная обида, в первую очередь, на себя — он ведь тоже

* ** Там же. С. 111.

* *** Там же. С. 163.

* **** Там же. С. 132.

мог предложить это решение, и даже лучшее. И он не идет навстречу — диалог не получается.

3) Артур. Мы с тобой рождены не жить, а смотреть, как другие живут. Стоя в стороне от жизни, мы лучше других постигнем ее суть. Наш долг — учить жизни других. <...>

Николас. Эх, Артур, Артур, что мы... понимаем в жизни? Замкнулись в своих мирах: ты — в мире звуков, я — в пространстве цветов и форм. Но разве в звуках и цветах есть жизнь? («Ужин после полуночи». Драма в 3-х действиях, 1985, 1987)*.

Николас. <...> Мир — это любовь, Артур. А мы с тобой, глупцы, хотим спрятаться от любви, чтобы убежать от мира и от жизни. И где же мы хотим спрятаться? В искусстве!.. В одряхлевшем сумасшедшем искусстве! Убежав от жизни, спрятаться в искусстве, которое уже давно мертво!... Умом-то я понимаю все это, но никак не могу принять сердцем, все заносит и заносит меня куда-то не туда... **

В произведениях Чиндыкова произошла экстериоризация душевного состояния современного чувашского интеллигента. Можно по-разному обозначать это состояние: «оцепенение, или истерия духа...» (Ю. Яковлев), беспомощность, пассивность и бездеятельность... Могут ли национальные особенности, общественно-политическая ситуация того или иного периода полностью оправдать такое поведение? Думается, что нет. Но признавать за ними абсолютную вину тоже нельзя. Были с их стороны и попытки изменить окружающую действительность.

*IV. К «проекту будущего для чувашской нации» ****

«Матви думал, что дальнейший путь развития мелких народностей должен быть похожим на развитие Эстонии, прежде всего, нужно развивать умственный потенциал, пойдя только по этому пути любой маленький народ может начать уважать себя и заставит уважать других, — где придется говорил

* Лик Чувашии. 1997. №1. С. 47. Перевод автора.

* * Там же. С. 60.

* ** Выражение А. Хузангая (Между Сциллой и Харибдой Республика. 2001. 28 ноября).

об этом» («Hotel Chuvashia»)^{****}. Пути дальнейшего национального развития стали предметом размышлений Чиндыкова уже в начале творческой деятельности. В этот период писатель находился под большим впечатлением от достижений западной культуры и прибалтийского свободомыслия. Упор на умственный потенциал может быть действительно хорош для наций с преобладанием логики над сердцем. Но приемлем ли он для народов, для которых жизнь сердца не менее значима, для чувашей, которые стремятся к гармонии между разумом и чувствами? Жизнь Матви завершилась трагически. Преобладание сердца над разумом тоже приводят к печальным результатам (Эрик Албутов). Способен ли чуваш, отказывающийся от своего настоящего имени (Матви—Матти), или воспринимающий себя как Боб («Сёр хайёрён тусанё» (Пыль земного песка, 1981—1982), воспринимаемый другими как Николас («Ужин после полуночи»; «Месяц ноябрь», 1986), т.е. отказывающийся от своей сущности (?), повести идущих следом по верному пути? Итоги попыток пойти по чужому пути весьма плачевны: «В суетных попытках просветить родной народ сами оставались людьми, наполовину учеными и просвещенными. Пытаясь сделать своим чужой свет, не жалели сил, а позже поняли, что свой, пусть, гораздо тусклый, и есть настоящий свет. Молвят же, что грач любит своего грачонка, хотя он и черный. Кто сказал нам, что мы черны? По сравнению с чьим тускл наш свет? А если облик наш таков, не только облик, но и чистота? Как поехавший за богатством, вернулся мертвый, так и стремящийся быть просвещенным остался, говорят, в дураках. Что же, стали мы, стали дураками. Книгу корову съела, выросли достаточно, чтобы чуждаться материнского молока и вышли в люди»^{*} (Бобби, 1984). Несомненно, чтобы пойти по пути национального восхождения, личностям, чувствующим в себе способность внести здесь свою лепту, нужно объединить усилия, преодолев отрицательные продолжения особенностей национального характера (пассивность, сильно выраженный фатализм — «доля наша такова»...)). Из

* **** Hotel Chuvashia. С. 20.

* Hotel Chuvashia. С. 57.

амбивалентного восприятия себя и своего народа (характерный пример «любви—ненависти» монолог Артура в «Ужине после полуночи»)** разумнее было бы, насколько это возможно, сохранить положительный опыт. Следование той же христианской заповеди «возлюби ближнего как самого себя» способно решить множество проблем. Необходимо осознать, что не может быть развития без любви.

V. О земном и вечном.

Драматургия Б. Чиндыкова напоминает, по замечанию Кириллова, пьесы для чтения. «В них почти нет действия, «господствует монолог»¹⁵. Замечание это вполне обоснованное. Но, анализируя любой написанный текст, нельзя не отметить хотя бы в двух словах результаты его сценического воплощения, если таковые были.

Драма «Ежевика вдоль плетня» (1982) поставлена на сцене ЧГАДТ в 1990 г. и получила высокую оценку на самых разных уровнях. Она получила премии на Всероссийском фестивале «Лучшие спектакли России» в Орле (1990) и на Всероссийском фестивале тюркских народов в Уфе (1991). Спектакль признан лучшим и на Всероссийском фестивале «Федерация—92» в Чебоксарах. С этой постановкой театр выступил в Москве и Санкт-Петербурге. Автор был удостоен Государственной премии ЧР 1993 г. в области литературы и искусства. Пьесу перевели на турецкий язык.

«Ежевика вдоль плетня» — выражение народного понимания смысла человеческого существования, размышления о духовном взаимодействии между миром живых и миром мертвых. Согласно чувашской вере, между этими мирами существует незримая связь. Описывая похоронные обряды чувашей, в начале прошлого века, Юрки Иван записал: «По разумению чуваш, души умерших живут среди нас же»¹⁶. Герой рассказа «Пасхальное яйцо», который пришел на кладбище, интуитивно ощущает эту связь: «<...> Начал думать о моем народе, моих односельчанах, родном народе, об истоках. Все они вдруг

начали мне казаться живыми, тогда я в душе произнес: Здравствуй, здравствуй, мой народ!»^{***}. Наши предки считали, что в Вечности прошлое, настоящее, и будущее существуют как бы одновременно, а объединяет их Душа. Встречу прошлого, настоящего и будущего мы видим в сцене, когда к Матери приходят призраки, они оба хотят взять ее с собой; очертания будущего — дети останутся без мамак, которая часто заменяла им отца и мать... Или, когда Призрак Васили говорит: «Я страж, я спешу на стражу. В моих руках сегодня — века. Этой ночью я пасу столетия».

Забота о душе, о ее чистоте была одной из главных для чуваша. Она играла определяющую роль в ситуации выбора. Можно выделить два круга понимания в пьесе, в центре которого находится человек: мир человека и мир человечества. Первый, конечно, является частью второго.

Призрак отца. Так тебе жить да жить надо было.

Призрак Васили. Надоело.

Призрак отца. Жить?

Призрак Васили. Строиться.

Призрак отца. Что же тогда строился-то?

Призрак Васили. *Все строятся.*

Призрак отца. А зачем?

Призрак Васили. *Потому что разрушать тоже надоедает.*

Призрак отца. И ты тоже разрушал?

Призрак Васили. *Да, я разрушал мир.*

Призрак отца. Весь этот мир?

Призрак Васили. Нет, не весь. *Свой мир.*

Призрак отца. А что такое — твой мир?

Призрак Васили. *Мой мир — это мой дом*^{*}.

Да, «мой мир — это мой дом», т.е. «я и другие», но это только оболочка этого мира. «Мой мир» — это, прежде всего, «я сам», «я изнутри», в центре

* ** Ужин после полуночи. – Чебоксары, 1992. С. 69.

* Ежевика вдоль плетня // Лик Чувашии. 1994. №6. С.10.

которого — «моя душа». Именно «моя душа» должна определять взаимоотношения между «мной» и «другими». Нужно ли поддерживать **видимость** м и р а, если все связи между ними давно **не** существуют?

«Моя душа» — это часть мировой Души, «мой мир» (мир человека) — часть М и р а человечества. На протяжении всей пьесы у всех героев «болят души», и у детей тоже.

В центре мира находится Душа; она — бессмертна — жизнь и смерть являются ее земными характеристиками. Любовь является основным стержнем Души и вообще Мира (Любовь вообще).

Философия чувашей, как и другие религиозные и философские системы, исходит из того, что Душа бессмертна, и вечна, т.е. она всегда была, есть и будет. Человек умирает, а его душа переселяется в другое тело и продолжает жить. Смерть с точки зрения Вечности — всего лишь остановка в непрерывном движении души и **начало** новой жизни. Поэтому-то Йоссех и говорит: «<...> Сумасбродствующему всегда надо говорить: давай! давай-давай! Еще больше сходи с ума! Пусть он заплутается вконец и пропадет пропадом, раз охота ему сумасбродствовать: ведь только так он сможет заново родиться <...>»^{**}. Т.е. есть надежда, что в другой жизни человек (- ку?) будет хотя бы немного лучше.

Чуваши также верили, что весь окружающий мир человека — животные, птицы, растения и т.д. — имеют души. И все эти миры равноценны. Вместе они составляют Единое Целое.

Марине. <...> Я хочу слушать *дыхание яблонь*^{***}.

Радик. <...> И бабочки по жизни плачут. И бабочки жаждут любви <...>^{****}.

Йоссех говорит, что его судьба и судьба Жучки — одинаковы^{*****}.

Гена. <...> В детстве, когда ходили пасти, заметив на лугу муравейник, клал для муравьев сахар, думая, что они любят сладкое. Сейчас же мне хочется

* * Там же.

* ** Там же. С.5.

* *** Там же. С.10.

* **** Там же. С. 9, 23..

у них спросить: «Скажите, пожалуйста, у вас душа болит? Но они — молчаливы, ничего не отвечают» («У дверей»)^{*****}.

«Этот» мир, мир живых, и «тот» мир в пьесе связывает *плетень*.

Плетень как символ — граница между «этим» и «тем» миром, поэтому он «смотрит глазами папы», в земном плане — это стремление людей обособиться друг от друга, жить своим миром, куда бы не входили посторонние. Но почему же Лида решила уничтожить «все ветви по ту сторону плетня» — потому что она хотела «чтобы ничего, ничего у нас с ним не было общего». Значит, плетень не только разделяет, но и связывает, не только «тот» мир и «этот», но и людей, живущих рядом.

Мать. В древности чувашаи один плетень на все селение плели, веками — один плетень, а сейчас каждый старается отгородиться от других, и потому все в одиночку маются. Проходят те времена, когда все вместе работали, вместе пили, любили вместе. Единую для всех изгородь, единого бога, человека единого любили... Вот так и портится человек: чем больше о себе думает, тем хуже становится*.

Оторвавшись от «земли», перестав подчиняться вековым традициям, но так и не сумев привязаться к городу, пытаясь в одиночку решить вечные вопросы, многие мыслящие чувашаи потеряли ориентиры и вообще смысл движения вперед. Насколько сопоставима их трагедия с убеждениями героев от «земли», которые в душе своей носят не меньшую трагедию?

Йоссех. <...> Ну-ну, жить-то надо. Такая она штука — жизнь. Да-да, такая вот штукавина. Сегодня есть, а завтра нет. Только душа остается <...>^{**}

Мать. <...> Счастье оно может и быть, и не быть, а жизнь все равно нужно прожить <...> («Ужин после полуночи»)^{***}.

Пожалуй, в убеждениях последних чувствуется большая внутренняя сила. Это и смирение, и мудрость. Разряду «мыслящих», чаще всего, не хватает

* ***** Ежевика вдоль плетня. — Чебоксары, 1995. С.81.

* Ежевика вдоль плетня // Лик Чувашии. 1994. №6. С.12.

* * Там же. С.23.

* ** Лик Чувашии. 1997. №1. С.48.

первого качества.

VI. «Защита собственной души»

Особенности Слова писателя уже были затронуты вначале. Чувствуются необходимыми продолжение темы и несколько дополнений. Можно ли *откровенное* слово Чиндыкова определить как открытое, или беззащитное? Пожалуй, эти характеристики не синонимичны. Автор в достаточной степени способен защитить свое сокровенное «я» от грубого или невежественного вторжения. Есть некая оболочка, которая не мешает писателю хорошо видеть и пронзительно чувствовать читателя. Но «непроницательный» читатель увидит в нем лишь стену из искусственных приемов. В целом саму эту оболочку можно рассматривать в ряду национальных свойств. Душа чувашская легкоранима, но чаще всего глубоко скрыта от посторонних глаз. И та же самая «техничность» здесь стоит на «защите собственной души». (К примеру, «поток сознания» в рассказах «Элчел. Love story: 5 фрагмент» («Судьба. Love story: 5 фрагментов»), «Чўк уйăхё» (Месяц ноябрь). Ей же служит и преобладающая интонация некоторых произведений: «Тухса кайиччен» («До отъезда») — ирония, «Геннадий Андреич — дурак-библиотекарь» — недосказанность, «Возвращение хана» (1996) — пародия...). Часто ощущается зримое присутствие авторского «я» в качестве защитника своих героев. Он переживает за них, старается бережно и как можно безболезненнее заглянуть в их душу, в то же время стараясь быть объективным.

На рассказе «Возвращение хана», коль мы его уже отметили, следует, пожалуй, вкратце остановиться****. Это новая грань в творчестве Чиндыкова. Написан он на русском языке. Собственно, по форме это и не антиутопия, и не пародия, хотя элементы и той, и другой в нем присутствуют. В нем сильно ощутим и элемент игры — «серьезное под несерьезной маской». Наиболее точно, видимо, особенности организации произведения выражает термин «деконструкция», общий план которого определяется следующим образом:

* **** Новый Лик. 2000. №3–4. С.4–18. Цитаты из текста по этому источнику. Далее указываются только страницы.

«Техника интеллектуальной работы с бинарными конструкциями любого типа (формально-логическими, диалектическими, мифологическими)...» . Это своеобразная деконструкция современной общественно-политической ситуации в Республике, феномена национального бытия. Место действия — Йерская республика, события и лица — параллели реальной жизни. С точки зрения содержания здесь правомерно говорить о пересечении понятий «деконструкция» и «реконструкция».

Несколько прозрачных опознавательных знаков, ситуаций и штрихов к характеру чуваша: «Мы счастливы приветствовать вас в солнечной Йерии, в краю ста тысяч слов, ста тысяч песен, ста тысяч узоров» (с. 15).

«Да, да, почти как славяне, — поспешил подтвердить Казимир Петрович. — Но мы также почти как финны, как угры, как тюрки и даже, если угодно, как персы и китайцы. В нас смешалась масса разных кровей, в языке нашем — корни всех других языков, а землю нашу пересекают все меридианы и параллели планеты» (с. 16);

«Йерец не потрогавши не скажет ни доброго слова, ни худого» (с. 7).

«А что же Казимир Петрович? Он-то почему отказывался? Разве не хотелось ему самому быть президентом? Хотелось, да еще как, но такой уж у него характер: не привык и не любит он выступать в открытом весе <...>». «Да и вообще я человек трусоватый, если уж быть честным перед самим собой, — подумал Казимир Петрович, — наверное, это у нас, у йерцев в крови, и с этим ничего не поделаешь» (с. 11).

«Ведь даже в тайных инструкциях КГБ по подбору кадров йерцы по степени благонадежности среди более чем ста народов занимали четвертое место, после москалей, бульбашей и хохлов» (с. 16). О честности и надежности чувашских парней говорит и сотрудник военкомата, который привез тело Ванюшки, погибшего в Афганистане — драма «Хупланнă тĕкĕрсем» («Занавешенные зеркала», 1989)*.

* Ялав. 1997. №8. С.53.

Разумеется, постижение смыслов, заложенных в тексте, требует более глубокого погружения в этот текст. Касается это и интерпретации фигуры Хана в «расшитом золотом халате, <...> со знаками древнего рунического письма предков» (с. 4), доказывающего, что «широка Россия, но Каганат шире. Сильна Россия, но Каганат сильнее. У России – только настоящее, у Каганата – великое прошлое и не менее великое будущее. А столицей нашей будет Казан-шехри, омываемый водами реки Идели» (с. 16).

Postfactum. Критик М. Ставский как-то отметил, что современная драматургия, только недавно начавшая постигать свое далекое прошлое, осмысливает его в трагедийном плане (произведения Н. Тевекеля, Н. Сидорова, М. Желтова, Б. Чиндыкова)¹⁸. Должно быть, это очередное свидетельство, подтверждающее гипотезу изначального трагического мироощущения чувашского человека, уже высказанную в печати. Сказанное справедливо и по отношению к прозе, в том числе осмысливающей недалекое прошлое и современность (Г. Федоров — «О, мой бедный полевой заяц», В. Степанов «Господа Пигамбара пес», проза Б. Чиндыкова). Литература способна интуитивно ощутить феномены духовного бытия человека, формирующиеся в течение длительного времени.

¹ Яковлев Ю. Право на страдание // Лик Чувашии. 1994. № 1. С. 137.

² Хузангай А. Между Сциллой и Харбидой // Республика. 2001. 28 ноября. Вопрос о соотношении понятий «этнофутуризм» и «постмодернизм» намеренно оставлен за пределами статьи. В дальнейшем предполагается проанализировать эту тему отдельно.

³ Хузангай А. Культура как информация наивысшего качества. Чувашская интеллигенция ныне и прежде // Республика. 2002. 10 апр.

⁴ Яковлев Ю. Право на страдание... С. 137; подробный анализ формальной организации произведений см. также: Яковлев Ю. Хальхи чăваш литературичи синкер тѣнче туйамѣн хăш-пѣр тѣсѣсем // Хальхи чăваш литератури. Илемлѣ асталăх ыйтăвѣсем. Шупашкар: НИИЛИЭ, 1990. С. 6—14, 23—30.

⁵ Можейко М.А. Постмодернистская чувствительность // Постмодернизм. Энциклопедия. М.: Интерпрес-сервис; Книжный Дом. 2001. С. 613.

⁶ Там же. С. 614.

⁷ Там же.

-
- 8 *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. С. 41.
- 9 *Можейко М.А.* Постмодернистская чувствительность // Постмодернизм... С. 613.
- 1 0 Цитата по ст.: *Можейко М.А.* Постистория // Постмодернизм... С. 596.
- 1 1 *Гачев Г.Д.* Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии. 1994. № 12. С.
64.
- 1 2 *Лихачев Д.С.* Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура
России // Новый мир. 1994. № 6. С. 119.
- 1 3 *Шри Шримад А.Ч.* Бхактиведанта Свами Прабхупада. Бхагавад-Гита. Как она есть.
М.—Л.—Калькутта—Бомбей—Нью-Дели: Бхактиведанта Бук Траст; 1986. С. 149.
- 1 4 Цит. по кн.: Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. — М.: Политиздат. 1991.
С. 532.
- 1 5 *Кириллов К.* Туй каşё – килёшў пуşламăшё // Коммунизм ялавё. 1990. Март 27.
- 1 6 *Юрки Ив.* Чăвашсем вилнё сынсене епле пытарни // Атăл юрри. 1921. 2 №. 30 с.
- 1 7 *Горных А.А., Грицанов А.А.* Деконструкция // Постмодернизм... С. 198.
- 1 8 *Ставский М.* Чăваш Неронё // Чăваш ен. 1996. № 44. С. 6.

2003 г.